

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Тайны взрослых девочек
Силиконовая надежда

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

The title 'МАРИША КРАМЕР' is rendered in a large, black, serif font. The letter 'М' is partially enclosed by a grey circle on its left side, and the letter 'Р' is partially enclosed by a grey circle on its right side. A horizontal line passes through the middle of the text. In the upper right corner, there are several geometric shapes: a small inverted triangle, a larger triangle, a tetrahedron, and another small inverted triangle.

МАРИША
КРАМЕР

**ТРИ ЖЕНСКИХ
СТРАХА**

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Крамер, Марина.

К77 Три женских страха : [роман] / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-096415-4

Преподаватель анатомии Александра Гельман требует от своих студентов невозможного, так как знает не понаслышке: когда жизнь висит на волоске, только руки врача способны ее спасти. С самого детства Аля вынуждена бояться за себя и своих близких и учиться выживать в жестоком мире теневого бизнеса. Ведь ее отец — Ефим Гельман — пользуется уважением как среди коммерсантов, так и их кровных врагов — криминальных авторитетов. На днях на Ефима совершено покушение, и пока тот лежит в больнице, Александра с помощью мужа начинает искать заказчика. В их семье так повелось: из троих детей Фимы лишь она способна действовать решительно и жестко, всегда опережая своих грозных противников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096415-4

© Крамер М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ...

Дети самурая просыпаются под звон удил.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Он напряженно следил за выходом из здания банка, сидя на удобной скамье с высокой спинкой. Сегодня хотя бы повезло с погодой — редкий для конца октября солнечный день, так что он хотя бы не слишком замерзнет, как вчера или позавчера. «Я тут скоро корни пуцу». Казалось, перед глазами вот уже несколько дней не возникает ничего, кроме этого облицованного гранитными плитами крыльца со множеством ступеней и массивной двери с витыми бронзовыми ручками. Да еще длинный серебристый «Линкольн», припаркованный чуть правее от входа, не на специально оборудованной стоянке, а отдельно, так, чтобы его пассажир мог сделать всего несколько шагов по тротуару и сразу оказаться в салоне. Охрана — трое крепких парней в серых костюмах — работала исправно и слаженно, и это очень мешало выполнению задания. И все-таки сегодня ему удалось поймать паузу и сделать то, что требовалось. Осталось только дожидаться момента.

Пассажир «Линкольна» появился строго по расписанию, около двух часов дня — сейчас сядет в машину и отбудет в ресторан «Ходжа» — любит узбекскую кухню. Но сегодня

Три женских страха

ему уже не удастся отобедать шурпой, кебабом из баранины и ароматной самсой — выбор блюд тоже постоянен, насколько смог убедиться наблюдатель в ходе ежедневной слежки.

Не удастся...

Едва только «Линкольн» отъехал от места парковки на приличное расстояние, человек на скамейке неторопливо опустил руку в карман куртки и нажал кнопку миниатюрного пульта. Оглушительный взрыв, вой сработавших на припаркованных по всей улице машинах сигнализаций, крики — звуки разорвали мерное течение обычного буднего дня. К горящему «Линкольну» уже бежали люди, и никто не обратил внимания на невысокого человека в серой толстовке под распахнутой курткой и спортивных брюках, который, аккуратно затянув под подбородком завязки капюшона, неторопливо направился в сторону автобусной остановки.

— Александра Ефимовна, вас к телефону!

Занятия на кафедре нормальной анатомии медицинского института подходили к концу, время было вечернее, и завершалась последняя пара у второкурсников. Ассистент, молодая худенькая женщина в белом халате, туго затянутом поясом на талии, в белом накрахмаленном колпаке и в туфлях на высокой шпильке, недовольно отложила на оцинкованную ванну пинцет, которым до этого держала отпрепарированную вену, и бросила низким, глуховатым голосом:

— Закончите, пожалуйста, без меня, посмотрите все ответвления и зарисуйте схематично. На следующем занятии проверю. Дежурные пусть сразу уберут труп в ванну.

— Вы уже не вернетесь, можно уходить?

МАРИНА КРАМЕР

Александра Ефимовна с заметным удивлением оглядела группу, сгрудившуюся вокруг ванны-стола, — да как им в головы мог прийти подобный вопрос? Ни разу в жизни она не вышла из этой комнаты раньше, чем стрелки на часах показывали окончание занятий.

— Я отвечу на звонок и вернусь. У нас еще хватит времени на небольшую контрольную по каналам височной кости.

Цокая каблуками, она удалилась походкой примы-балерины. Александра прекрасно знала, что произойдет, едва за ней закроется дверь. Пинцеты полетят в емкость с дезраствором, труп будет тут же закутан в одеяло и опущен в формалин, а студенты кинутся рвать друг у друга конспекты с темой «Каналы височной кости» — темой, которая вдальбливается им как «Отче наш» еще с первого курса. Не новость — она сама в годы студенчества так делала, да и происходило это всего семь лет назад. За семь лет Александра Гельман успела окончить институт, стать ассистентом кафедры, написать диссертацию и защитить ее, отбившись от нападков завистливых коллег, — да мало ли. К тому, что ее здесь не любили, Александра давно привыкла.

В ассистентской не было никого, кроме лаборантки Наташи, мывшей пол, — она и позвала Александру к телефону.

— Да, Гельман, слушаю, — произнесла Александра, сев за стол и по привычке сбросив туфли — за день от длительного хождения на каблуках очень ныли ноги.

— Александра Ефимовна? — сказал приятный мужской голос. — Простите, что беспокою, но... дело вынужденное, так сказать... меня зовут Андрей Геннадьевич Фроленко, я заведующий отделением реанимации городской больницы «скорой помощи», — при этих словах у Александры нехоро-

Три женских страха

шо заныло под ложечкой, и она машинально выпрямилась в кресле, словно собираясь для отражения атаки. — К нам сегодня поступил ваш родственник... Гельман Ефим Иосифович...

— Это мой отец... — автоматически уточнила она, шаря рукой по столу в поисках сигарет. Наташа, обеспокоенно наблюдавшая за ней, тут же услужливо подсунула зажигалку и пачку.

— Отец, значит...

— Не тяните, что с ним?

— Ваш отец в крайне тяжелом состоянии, вам лучше бы приехать. У него сильные ожоги и множественные травмы, подробнее пока не могу сказать. Прогнозы — дело неблагоприятное, сами понимаете.

— Спасибо, — уронила Александра и опустила трубку на рычаг.

Пару минут она сидела в полной прострации, пытаясь уложить в голове полученную информацию. Что могло случиться среди бела дня с отцом, вокруг которого постоянно охрана? Ожоги — откуда, чем?

Придя в себя, Александра вскочила, бросила в пепельницу сигарету и метнулась к большому шифоньеру в дальнем углу ассистентской.

— Наташа, будьте добры, отпустите двести пятую группу, мне нужно срочно... — пробормотала она, и лаборантка завила:

— Не волнуйтесь, отпущу. Серьезное что-то?

— Пока не знаю... — процедила Александра, успевшая уже переодеться из простого сатинового сарафанчика, надетого, как обычно, под халат, в строгое серое платье с высоким воротником. Осталось натянуть сапоги.

МАРИНА КРАМЕР

Почти бегом, прыгая через две ступеньки, она неслась вниз, к выходу из здания анатомички. Едва не сбила с ног заведующего кафедрой патологической анатомии, на ходу буркнула извинения. К счастью, ее машина не была уже заперта автомобилями других сотрудников, а потому Александра почти сразу сумела выехать на оживленную вечернюю улицу и направиться в сторону больницы. В хвост ее машине сразу пристроилась неприметная серая «девятка» с тонированными стеклами — охрана, приставленная отцом еще до замужества и продолжавшая присматривать за молодой женщиной даже теперь. «Надо братьям позвонить», — подумала Александра, но потом решила, что врач, скорее всего, уже сделал это — записанные на листок телефоны детей отец всегда носил в паспорте.

Часть 1

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Дети, появившиеся на свет,
вырастают и без родителей.

Японская пословица.

*М*не восемь лет. Я только что изрезала ножницами в лоскуты белую вышитую скатерть — подарок маминной бабушки ей на рождение моего старшего брата. Я почему-то особенно ненавидела эту скатерть — как будто она сделала мне что-то плохое. На самом деле все просто — именно эта скатерть лежала на столе в тот день, когда я в последний раз видела маму.

Сейчас передо мной — разъяренное лицо отца, свист ремня и глухие удары по столешнице в полуметре от меня:

*— Александра!!! Чтобы я больше... никогда... никогда!!!
Слышишь?! Запорюуу!!!*

Ремень опускается на столешницу снова и снова, меня даже воздухом обдает, как от вентилятора. Я стою, расставив ноги и убрав за спину руки, в одной из которых по-прежнему крепко зажаты ножницы.

Отец отбрасывает ремень и, внезапно ссутулив плечи, уходит из комнаты.

Мне не страшно — мне обидно, что своей глупой выходкой я расстроила папу...

Три женских страха

Сколько помню себя — я была отцовской любимицей. Возможно, потому, что я младшая, и с братьями — Славкой и Семеном — у меня разница в десять и восемь лет. А может, потому, что я единственная похожа на него — и длинным носом, и черными «еврейскими» глазами, и кудрявыми черными же волосами. Правда, как выглядел отец, пока волосы не покинули его голову, оставив на память лысину, я не помню — была слишком маленькой. Братья же пошли в маму и ростом, и статью: оба видные, крепко сложенные, спортивные. Я же... Пигалица, Кнопка — правильно отец меня прозвал. Он всегда утешал, мол, ты, Сашка, в тетю Сару, в сестру мою старшую, та тоже мелкая была в юности, а потом раздобрела. Видела я тетю Сару, все детство бок о бок с ней прошло. Не скажу, что перспективка «раздобреть» меня так уж радовала...

Мама была красавицей. Настоящей красавицей, это признавали все, кто ее видел. Но при этом от нее веяло каким-то холодом, она не была ласковой, редко улыбалась, говорила тихим голосом. Она прекрасно одевалась, я всегда замирала от восторга, когда видела ее в платье и туфлях на высоком каблуке. Мне так хотелось, чтобы мама пришла за мной в садик и все — дети, воспитатели — увидели, какая она красивая у меня. Но она никогда не делала этого — меня всегда забирали братья. Не знаю, почему, но у меня всегда было чувство вины перед ней — то не так стою, то в садике вымазала платье, то просто какая-то неуклюжая.

У меня был хороший голос, и на всех утренниках я непременно пела. Самым заветным желанием было — чтобы мама пришла и услышала, как я пою. Но она никогда не приходила, и от утренников у меня оставалось только острое чувство ненужности. Ко всем приходили мамы или

МАРИНА КРАМЕР

бабушки, а ко мне — только изредка тетя Сара, если в этот момент оказывалась у нас в гостях. Я не могла понять, почему мама так не любит меня.

Мама бросила нас, когда мне исполнилось семь лет. Я помню этот день до мелочей, могу точно рассказать, что было на завтрак, обед и ужин, какую книжку я читала, какие цветы стояли на столе в гостиной. Отец тогда был в длительной командировке, он работал где-то за границей, не мог писать нам писем, их приносили какие-то люди и отдавали маме, она читала, а потом долго плакала, закрывшись в своей комнате. Ни братьям, ни мне она никогда их не читала, но я интуитивно чувствовала угрозу, исходившую от листов бумаги.

В тот день, когда мама ушла, тоже пришло письмо. Вернее, его принес худой белобрысый парень в спортивном костюме. Мама побледнела, молча взяла протянутый конверт и ушла к себе. У нас тогда как раз гостила тетя Сара, она вышла из кухни и приветливо пригласила гостя к столу, но тот отказался, поманил ее пальцем и что-то прошептал на ухо. Тетка охнула, закрыла рот концом платка, который неизменно носила на голове, и попятилась к стене, а незнакомец, подмигнув мне, ушел.

Тетя Сара продолжала что-то бормотать на непонятном языке, и мне стало почему-то очень страшно. Захотелось к маме — а заодно и узнать, что в письме.

От любопытства меня просто распирало, я быстро шмыгнула по коридору к маминей спальне, но дверь оказалась заперта. Я принялась стучать, просить маму впустить меня, но за дверью была тишина. Я истерично рыдала, колотя в дубовую поверхность кулаками, и у тети Сары не выдер-

Три женских страха

жали нервы, она сгребла меня в охапку и утащила в свою комнату. Там она долго качала меня на коленях, как совсем маленькую, гладила по голове и что-то шептала. Понемногу я перестала плакать, успокоилась и уснула.

Ночью меня разбудило тихое бормотание. Открыв глаза, я увидела на фоне незашторенного окна силуэт тети Сары. Она раскачивалась из стороны в сторону, обняв себя руками за плечи, и монотонно говорила что-то. Я прислушалась — снова тот же незнакомый язык:

— Барух Ата Адонай, Элохэйну... Мэлэх Ха Олам, Борэ пери Ха гэфэн. Амэн...¹

Я в испуге вскрикнула, и тетя Сара быстро обернулась:

— Что, Сашенька?

— Зачем ты это говоришь?! — зашипела я, размазывая по щекам вновь хлынувшие слезы. — Мне страшно, не надо так говорить...

— Это... молитва, Сашенька, — чуть запнувшись, сказала она. — Я молюсь за твоего папу, за маму, за братьев.

— Зачем?! Молятся за мертвых!

Она обняла меня, прижала к себе и, тихо раскачиваясь из стороны в сторону, как делала недавно, проговорила:

— Живым молитвы важнее, Сашенька.

Утром, проснувшись небывало рано, я побежала к маме. Дверь открыта, но мамы нет. В раскрытом настежь шкафу болтались пустые вешалки, коробки из-под туфель напоминали разинутые рты... вот в этой, красной, всегда лежала моя любимая пара — черные, на высоком каблуке, с изящно вырезанным носком... мама всегда кричала на меня, если я

¹ Благословен Ты, О Господь Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградный. Аминь.